

ХИТ ВОЗМУЩЁННОГО РАЗУМА

«Интернационалу» по-русски исполнилось 100 лет

Виктор Листов

Летом 1894 года Лев Толстой приехал на рудник при станции Ясенки, что в семи верстах от Ясной Поляны.

Писатель, не торопясь, обошёл и осмотрел цементные и химические заводы акционерного общества "Товарищество Р. Гилль", а на самом руднике не стал опускаться в буроугольную шахту. Его внимание привлёк молоденький штейгер*: внешность неславянская, держится скованно, робеет перед знаменитостью. Лев Николаевич постарался увести штейгера на несколько шагов в сторону от сопровождающих и негромко спросил: — Вы еврей? Как вам здесь живётся?

— Живётся неплохо, — ответил юноша. — Но скоро придётся уехать. Нет у меня права жительства в этих краях.

Оба — и Толстой, и его собеседник — прекрасно знали, что по царскому законодательству Тульская губерния, а стало быть, и станция Ясенки, находится за "чертой оседлости": здесь нельзя жить лицам иудейского вероисповедания, если они не состоят в первогильдейных купцах или не окончили курс в университете.

Лев Николаевич посочувствовал и уехал домой, в Ясную Поляну. А молодой штейгер Аркадий Яковлевич Коц (1872–1943) потом долгие годы думал, что встреча с Толстым — главное в его жизни событие. Ошибался...

КОЦ БЫЛ РОДОМ ИЗ ОДЕССЫ. В тамошнем литературно-краеведческом музее, может быть, и сейчас ещё есть уголок, где висит фотография Аркадия Яковлевича, едва заметная рядом с экспозициями, посвящёнными знаменитостям — Бабелю и Багрицкому, Ильфу и Петрову, Катаеву и Инбер, Ахматовой и Олеше. Но и Коц интересен по-своему. В семье его отца, портового грузчика, говорили и думали на идише. Но когда Аркаша вырос, он начал сочинять стихи по-русски. Как и многие другие одесские мальчишки, он не был особенно скован русской грамматикой, стилистикой и культурной традицией. Поэтому получалось ничего себе — вольно, круто и — по моде времени — свободолобиво.

Сказать, что из тульской шахты Коц ушёл в революцию, было бы слишком торжественно. И вряд ли верно. Аркадий Яковлевич просто уехал в Париж, где нормально учился в Юрном институте. Студент исправно посещал лек-

ции, сдавал экзамены. А в свободное время хаживал в русские эмигрантские кафе, забредал на социалистические митинги, слушал речи Жореса, Гедда, Лафарга — словом, вёл себя как полагалось в его кругу.

На собраниях и демонстрациях французские социалисты пели свой гимн "Интернационал", сочинённый поэтом-коммунаром Эженом Потье и положенный на музыку композитором Пьером Дегейтером. Коц, к тому времени свободно владевший французским, задумался. "Мне совершенно ясно представлялось, — писал он, — что должен наступить момент, когда по улицам русских городов мы будем проходить с такою же песней, и что необходимо возможно скорее перевести на русский язык слова "Интернационала".

ной классике — Пушкин, Лермонтов, Некрасов. Собственные стихи Коца — цепь убогих, едва ли не графоманских подражаний "золотому веку" русской поэзии.

Аркадий Яковлевич так любил Пушкина, что довольно часто даже терял понятие о границе, отделяющей его, Коца, от "солнца русской поэзии". И тогда под пером горного инженера могла возникнуть такая, например, замечательная строфа:

Я приютился над обрывом,
В крутой расщелине скалы...
Дивлюсь, как в беге торопливом,
Бурлят и пенятся валы.

Тут самодельный, растянутый пересказ зачина пушкинского стихотворения "Обвал": "Дробясь о мрачные скалы, / Кипят и пенятся валы..." Та-

— Ну, так и быть. На этот раз дам тебе денег взаймы. Бог с тобою! Но смотри ж, содержи своё слово. Пусть этот опыт будет последним и решительным".

У Пушкина — "будет последний и решительный опыт"; у Коца, который здесь существенно отступил от французского оригинала, — "будет последний и решительный бой".

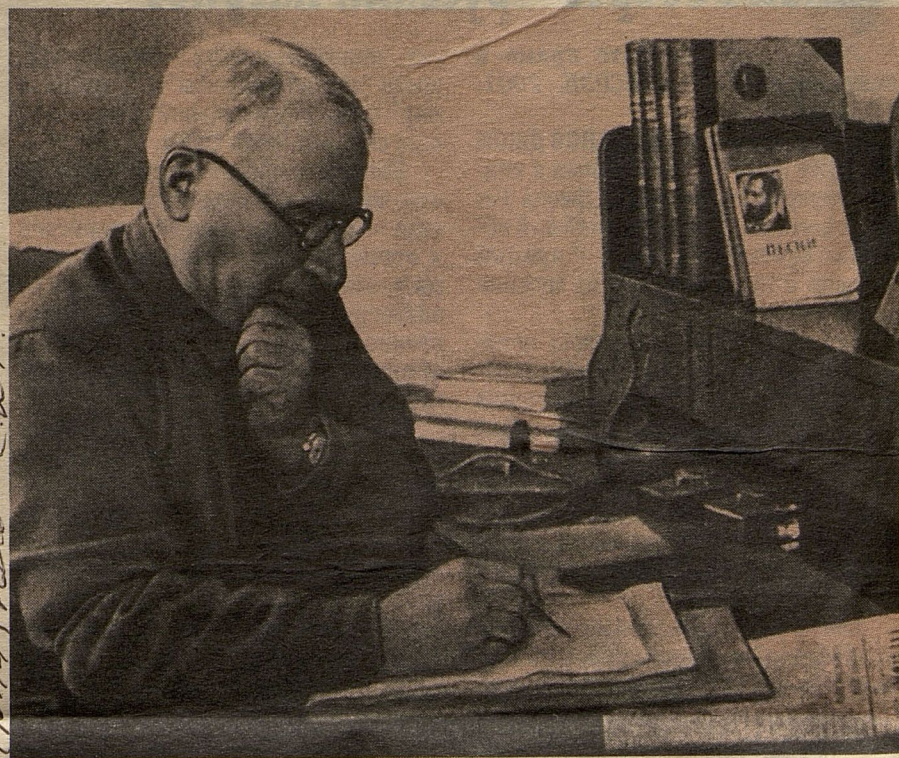
Зная отмеченную склонность музы Коца к подражанию и простому заимствованию, в пору задуматься: а не проник ли пушкинский текст в русский припев партийного гимна "Интернационал"? Вполне возможно. Сегодня сходство реплики пушкинского героя и слов припева не так очевидно только потому, что после октябрьской революции вместо "это будет" стали петь "это есть". Там бой, тут опыт — в конце концов Аркадий Яковлевич мог на одно слово и отступить от пушкинского оригинала. Ведь заменил же он пушкинское "кипят и пенятся" на близкое "бурлят и пенятся". И ничего.

ПУШКИН НЕ ЗАВЕРШИЛ СВОИХ "СЦЕН из рыцарских времён". Но из составленного поэтом плана драмы видно, что "последний и решительный опыт" алхимика не принёс ему золота. Монах Бертольд, чьим прототипом был легендарный Бертольд Шварц, изобрёл порох — первое страшное оружие массового уничтожения. Рыцарские замки, патриархальные устои, религиозные моральные нормы рушились под напором владельцев страшного изобретения.

Социальные алхимики, которые в XIX веке распевали насчёт "последнего и решительного боя", тоже род людской не озолотили. Наше отечество оказалось таким же легковерным, как купец Мартын. Оно дало вовлечь себя в тот самый опыт, условия которого расписаны в песне буквально по нотам. И если в этом виноват скромный горный инженер, писавший стишки, то уж, понятно, далеко не в первую очередь.

С Львом Толстым Аркадий Яковлевич больше не встречался.

Но в том же номере лондонского журнала "Жизнь", где напечатан русский "Интернационал", Коц опубликовал стихотворение "Я слышу звук его речей", посвящённое Толстому. В нём он осуждает толстовскую проповедь ненасилия, зовёт к революции. Это как бы прелюдия к фундаментализму главного сочинения Коца. Того самого, где "весь мир насилия мы разроем...". Народ пел даже ещё энергичнее: не разроем, а разрушим.

Три строфы и припев "Интернационала" Коц перевёл в 1902 году и тогда же напечатал свой перевод в Лондоне, в русском эмигрантском журнальчике "Жизнь".

Казалось бы, именно с этого времени отечественная словесность и обогатилась знаменитыми строчками припева:

Это будет последний
И решительный бой...

ОТДАДИМ ДОЛЖНОЕ АРКАДИЮ ЯКОВЛЕВИЧУ: он не заблуждался насчёт своих поэтических способностей, прямо называл их слабыми. Русскому языку он учился не только на одесском приво-зе, но, слава Богу, ещё и по литератур-

ких очевидных заимствований у Коца великое множество, и приводить их не хочется: пришлось бы обильно цитировать, с одной стороны, рифмованную графоману, а с другой — хрестоматийно известные классические образцы. Но один случай — особый. О нём и речь.

В пушкинских "Сценах из рыцарских времён" есть диалог купца Мартына с изобретателем-алхимиком монахом Бертольдом. Алхимик просит денег на опыт, открывающий тайну синтеза золота. Купец сперва упирается, но потом, поверив, что впереди всего один последний и решающий опыт, даёт деньги. Вот реплика Мартына, обращённая к Бертольду:

* Штейгер — горный мастер, техник на руднике.